

Ц. Сюй

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА В РАСПАДЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

УДК 94 (47):930.2

ББК 63.3 (2) 634-05

На распад Советского Союза повлиял целый комплекс социально-экономических и общественно-политических обстоятельств. Одним из важнейших был культурный фактор. В условиях господства коммунистического режима возникли острые противоречия между плюралистической сущностью культурного процесса и авторитаризмом политической системы, стремящейся подчинить его и использовать в своих интересах. Идеологический прессинг советской власти, сдерживавший творческую инициативу, независимость мышления и политическую активность советской интеллигенции, в конечном итоге вызывал серьезное противодействие со стороны наиболее радикальной ее части. Несоответствие идеологических лозунгов реальной экономической и политической обстановке, складывавшейся в стране, вызывало критические настроения среди представителей советской культуры, которые через политические акты и творческие произведения воздействовали на сознание народных масс, порождали у них чувство неудовлетворенности и недоверие к способности советской власти осуществить позитивные реформы. Делается вывод о том, что попытки властей «закручивать гайки» в культурной сфере государственной жизнедеятельности порождали обратный эффект, делая представителей интеллигенции явными или скрытыми оппонентами политического режима и даже силой, способной организовать и возглавить протестное движение.

Ключевые слова: *Советский Союз, культура, культурная политика, интеллигенция, коммунистический режим, авторитаризм, идеологический деспотизм, плюрализм, идентичность, распад*

В начале 1990-х гг. Советский Союз, в течение более чем семидесяти лет наращивавший свое могущество и достигший статуса одного из полюсов силы реально сложившегося «биполярного» мира, «неожиданно» распался, не оказав сопротивления враждебным силам. Произошедшее с великой державой до сих пор вызывает огромное количество вопросов, и главный из них — почему Коммунистическая партия, создавшая Советский Союз, руководившая разгромом фашистской Германии, способствовавшая небывалому прогрессу страны, обеспечившему ей военно-стратегический паритет с США и уровень второй экономики в мире, вдруг оказалась неспособной противостоять вражеским ударам и рухнула вместе с построенным ей государством?

В научных и политических кругах России, Китая и западных стран было высказано множество разных предположений относительно феномена столь стремительного крушения КПСС — единственной политической силы, обеспечивавшей существование СССР, пос-

тоянно декларировавшей свою незыблемую связь с народом, но в критический момент не поддержанной им.

Нам представляется, что, изучая сегодняшние точки зрения, важно учитывать и мнения мыслителей прошлого. В частности, Ф. Энгельс писал: «...конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств».¹ Отталкиваясь от этого утверждения классика марксизма-ленинизма, подчеркнем, что нельзя объяснить причины политического поражения КПСС, акцентируя внимание только на одном факторе — на просчетах отдельных личностей, или на бесперспективности социалистического выбора, или на объективной необходимости демократизации общества и т. п.

Мы полагаем, что «крупнейшая геополитическая катастрофа века»² произошла в результате переплетения многих обстоятельств, касающихся как субъективного поведения

Сюй Цзиньцю — д.и.н., доцент, Институт Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР)
E-mail: jinqiuxu75@rambler.ru

¹ Энгельс Ф. Письмо И. Блоху, 21–23 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1965. Т. 37. С. 395–396.

² Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ на 2005 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 10.01.2017).

людей, так и действия объективных законов исторического развития. Поэтому только всесторонний анализ событий на многофакторной основе позволяет непредвзято, минуя политические и идеологические клише, объяснить то, что произошло в конце XX в. на обширной территории мирового пространства, ранее называемой Союз Советских Социалистических Республик. В случившемся с КПСС и СССР огромное значение, по нашему мнению, имеет культурный фактор.

*Противоречия между культурным
плюрализмом и политической
системой СССР*

Ценностные факторы, являющиеся квинтэссенцией культуры, не исчезают вместе с уходом из истории той или иной социальной модели. Однако типы культуры, складывавшиеся в ее рамках, могут разрушаться вместе с ней. Ярким примером этого является распад Советского Союза, сразу же повлекший за собой конец советской культуры, что выразилось в схождении с исторической сцены советской философии, политологии, экономики, социологии и других наук, поддерживавших в массовом сознании идеологические каноны марксизма.

Разрушение марксистского фундамента и гибель вместе с ним «советской культуры» неоспоримо свидетельствуют о том, что она являлась для народов, проживавших на территории СССР, инструментом внешнего воздействия со стороны власти и не проникала в глубины их духовных ценностей и нравственности. Таким образом, культурный процесс, имеющий общий характер, вступал в противоречие с политической системой, стремившейся навязать свои культурные ценности, базирующиеся на определенной политико-идеологической основе. Господствовавшему в стране режиму удавалось лишь внешне выстраивать единую культурную политику, тогда как на внутреннем уровне общего культурного процесса существовало постоянное сопротивление, усиливавшееся по мере ослабления режима и в конечном итоге ставшее важнейшим фактором распада коммунистической системы.

Стремление советского государства к идеологической монополизации культурной сферы приводило к ее упрощению, к чрезмерной политизации, превращало ее в прагматический инструмент воздействия руководящей элиты на общенародное сознание. В таких условиях истинная культура как творческое

достижение человеческой цивилизации, как духовное богатство всего общества постоянно наталкивалась на идеологический деспотизм КПСС, пресекавший плюралистические тенденции и способствовавший утверждению догматизма. При этом монополия на руководство культурой, установленная правящей партией, проявлялась как в методах системного управления и жесткого контроля, так и в неограниченном личном вмешательстве партийных вождей в ее сферу. За высшими руководителями партии всегда оставалось последнее слово во всех теоретических спорах в науке, их мнение превалировало в оценках развития образования, литературы и искусства.

В эпоху «построения социализма» «культ личности Сталина» достиг своего апогея. Ум И. В. Сталина заменил умы миллионов людей, превращенных в послушных кукол в руках «всезнающего» кукловода. Все обязывались трактовать историю, философию, экономику и право согласно точке зрения вождя. «Отец всех народов» лично просматривал и оценивал кинофильмы, подготовленные к прокату, давал руководящие указания писателям, художникам, скульпторам, деятелям театра. Естественно, такой политический прессинг, замешанный на личных вкусах и пристрастиях одного человека, не мог способствовать демократическому плюрализму в области культурного процесса.

Однако и после смерти И. В. Сталина и последовавшего за этим «разоблачения культа личности» в управлении культурой СССР мало что изменилось. Пришедшие к власти новые советские вожди — Н. С. Хрущев, а затем Л. И. Брежнев — тоже отличались авторитарным правлением, что негативно сказывалось на развитии культурного процесса в Советском Союзе.

Таким образом, КПСС использовала культуру как инструмент, помогавший выполнять функции управления страной. В СССР была установлена монополия социалистической идеи, от которой отсекалось все культурное «сопровождение». Это означало категорическое отрицание всех культурных достижений, не связанных с социалистической идеологией, утверждало негативное отношение к национальному культурному наследию, способствовало выхолащиванию и забвению национальных культурных традиций.

Идее полной «социализации» общественного сознания должны были служить все гуманитарные науки. Преподаватели и научные

работники, так или иначе связанные с общественными дисциплинами, объявлялись «бойцами идеологического фронта» и обязывались следовать указаниям партийных лидеров, проводить научные исследования в интересах совершенствования партийной политики и на основе программ, разработанных по инструкциям КПСС. Партийные организации, созданные во всех учреждениях культуры Советского Союза и включавшие в свои ряды многих представителей творческой интеллигенции, неусыпно следили за идеологической направленностью их деятельности, выполняя функции своеобразной «полиции нравов».

Жесткий партийно-государственный контроль в области науки, образования, литературы и искусства порой выходил за пределы разумного регулирования творческой деятельности работников культуры и напоминал средневековую инквизицию. Работавшие не «в полном соответствии» с идеологией партии могли быть оклеветаны, объявлены контрреволюционерами, «врагами народа», «кулаками в науке», подвергнуты жестоким политическим преследованиям и даже репрессиям.

При этом власть, поставив культуру в положение «служанки политики», часто проявляла капризность, свойственную бесконтрольному хозяину. К примеру, резко меняя отношение к той или иной научной проблеме, она могла по политическим мотивам или в силу некомпетентности подвергнуть разгрому перспективное исследовательское направление и поддержать лженауку, а затем, «содействуя» восстановлению справедливости, репрессировать и тех, к кому ранее благоволила. Такое отношение проявилось, например, к «лысенковщине», нанесшей непоправимый вред биологии, а также к «марризму», мешавшему научному развитию лингвистики.

Однако культурная политика государства, проводимая только в русле политического прагматизма, вопреки общественным ценностям культуры, как правило, не достигает поставленных целей. Более того, чрезмерный идеологический прессинг может привести к обратным результатам. Так, в Советском Союзе все старания правящей партии, направленные на идеологизацию культуры, не способствовали укреплению власти коммунистов, а, наоборот, вызывали негативное отношение к ней в разных слоях общества. Это объясняется тем, что культурный плюрализм, основанный на тенденции к свободе творческого мышле-

ния, нельзя устранить при помощи административно-политического регулирования.

Весь ход человеческой истории доказывает, что любые попытки авторитарной власти жестко регламентировать культурную сферу, подчинить ее своему контролю неизбежно приводят к острейшему конфликту между ними. И в этом противоборстве свободы творчества с ее идеологическим ограничением последнее слово, как правило, остается за культурой. Свидетельством этому является и распад Советского Союза, где стремление современной культуры к демократии оказалось сильнее всех идейно-политических запретов и, в конечном итоге, способствовало крушению коммунистического тоталитарного государства.

В СССР, наряду с внутренним противоречием между авторитарным режимом и плюралистической сущностью культурного процесса, активно проявлялся и внешний фактор. Господствовавшая политическая система запрещала советским гражданам вступать в контакты с западной культурой немарксистского содержания. Это тоже не способствовало демократизации культурных процессов, контролируемых в Стране Советов партийными структурами, порождало противоречие между советской и зарубежной культурой.

Советская культура оказалась практически в замкнутой среде. Следуя приказу «сверху», представители общественных наук высказывали в основном негативное отношение к иностранным научным доктринам и школам, призывали решительно отказываться от «буржуазной» культуры как «загнивающей» и «декадентской». Провозглашая марксистское учение единственно правильным, они подчеркивали, что борьба «между социализмом и капитализмом» становится все более острой, и требовали «атаковать буржуазную идеологию».

Это приводило к тому, что советская культура в целом и ее важнейшая составляющая — наука (как гуманитарная, так и естественная) — не могли правильно воспринять и усвоить последние достижения человеческой цивилизации. В результате органичный процесс культурного развития насильственно прерывался, и советская культура, оказавшись в самоизоляции, постепенно утрачивала свой духовный потенциал и вместе с направлявшей ее развитие идеологией шла к логической развязке — краху.

Любая истинно ценная культура является общим достижением человеческой цивилизации и не может ограничиваться рамками одной

отдельно взятой страны. Развитие естественных и социальных наук сегодня все более и более доказывает эту непреложную истину. Современный мир может прогрессивно развиваться только на основе открытого культурного взаимодействия различных цивилизаций. Непонимание этого со стороны правителей Советской сверх-державы, их стремление «уберечь» народ от «тлетворного влияния Запада» вели к отчужденности по отношению к «другому миру», ставили советскую культуру в положение конфронтации с западной культурой. Это наносило большой вред культурному развитию страны, что, в свою очередь, оказывало негативное воздействие на государственную политику.

Ярким свидетельством агрессивного догматизма КПСС в политической и идеологической областях, способствовавшего конфронтации советской культуры с общемировыми культурными тенденциями, стала разгромная критика редакционной политики журналов «Звезда» и «Ленинград», напечатавших «произведения, культивирующие несвойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада».³ На примере этих журналов партийно-государственными структурами была проведена целая кампания, которой руководил А. А. Жданов, с целью удержания советской культуры в утвержденном наверху идеологическом формате. В 1946 г. ЦК ВКП(б) принял целый ряд постановлений, критиковавших за «низкопоклонство» многих деятелей советской культуры: литераторов, философов, композиторов, театральных деятелей. Этот термин, введенный в оборот А. А. Ждановым, стал употребляться как позорное клеймо, обозначающее самоуничижение перед западной культурой. Одновременно партия разработала и внедрила в общественное сознание тему превосходства «советского» или «русского» над «иностранным», а несогласные с такой постановкой вопроса «космополиты» подвергались преследованиям.

Тем не менее, все попытки господствовавшего в СССР политического режима контролировать культурное развитие страны и использовать его в своих интересах могли лишь временно ограничивать внутреннее стремление общества к свободе и сдерживать неизбежное проникновение в него демократического по-

тенциала западной культуры. Полностью остановить эти процессы было невозможно. В итоге «закрытая культура», навязываемая правящей партией обществу как единственно верное направление прогресса, не смогла утвердиться в сознании народа и была отвергнута им под воздействием общемировых тенденций. Историческим символом начала краха советского культурного изоляционизма можно считать разрушение в 1989 г. печально известной «Берлинской стены», разделявшей не только немецкий народ, но и весь мир, раскалывая его на две идеологии и две культуры.

Исторический нигилизм и идеологический кризис

Установив монополию на культуру и идеологию, советская власть сознательно воспитывала в массах благоговейное поклонение утверждаемым ею символам и догматам, стремилась превратить народ в послушного исполнителя своей воли. Однако вследствие политической борьбы, ведущейся внутри правящей элиты по вопросам управления государством, его политического, экономического и культурного развития, ранее утвержденные и, казалось бы, незыблемые доктрины приходилось неоднократно менять, что вызывало у трудящихся сначала недоумение, затем недоверие, а потом и просто неверие в провозглашаемые властью лозунги и программы.

Негативное восприятие массами власти усиливалось и тем, что каждое крутое изменение курса в развитии страны обязательно увязывалось с критикой предыдущего лидера. В итоге каждый этап советской истории, связанный с тем или иным вождем, представлялся цепью промахов, неудач, преступлений, что постепенно формировало в обществе стойкий исторический нигилизм.

Первая волна исторического нигилизма тесно связана с деятельностью Н. С. Хрущева, стремившегося утвердить свою власть за счет «разоблачения культа личности» И. В. Сталина. Секретный доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, в котором был свергнут с исторического пьедестала ранее почти обожествленный лидер, создал опасный для властных структур прецедент, поскольку впервые стало возможным критиковать вместе с уже ушедшим «отцом всех народов» политику КПСС и социализм. Тут же появились литературные и другие художественные произведения, описывающие ошибки и проблемы «сталинской эпохи». Затем на

³ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах «Звезда» и «Ленинград». 14 августа 1946 г. // Правда. 1946. 21 авг.

«борьбу со Сталиным» были мобилизованы представители гуманитарных наук, начавшие создавать историко-теоретические труды антитоталитарного содержания. Все это вызвало «брожение умов», сформировало в советском обществе достаточно прочное общественно-политическое течение, включившее в свои ряды людей, недовольных не только «преступлениями Сталина», но и всем ходом советской истории, связанной с построением социализма.

Попытки Л. И. Брежнева, заменившего Н. С. Хрущева на высшем посту СССР, дать «задний ход» привели на некоторое время к определенной политической стабильности, но неудачи СССР в социально-экономической сфере и сильный идеологический прессинг со стороны Запада вновь породили волну общественного недовольства как реальным состоянием дел в стране, так и советским историческим прошлым. В Советском Союзе сформировалось диссидентство — общественно-политическое движение советских граждан, оппозиционно настроенных по отношению к политике властей и ставивших целью либерализацию политического режима. Социальная база этого движения, включавшая всего несколько тысяч представителей творческой интеллигенции, была незначительна. Но антисоветские идеи и лозунги, выдвигаемые его лидерами — историком Р. А. Медведевым, физиком А. Д. Сахаровым, писателем А. И. Солженицыным и др. — всемерно поддерживаемые западными правоохранительными организациями и средствами массовой информации, доходили до широких слоев населения СССР посредством «самиздата», «тамиздата»⁴ и открытых выступлений. Они будоражили сознание советской интеллигенции, все более и более негативно относящейся к политическому режиму, и были крайне опасны для его дальнейшего существования.

Пришедший в середине 1980-х гг. к власти М. С. Горбачев попытался вывести Советский Союз из глобального кризиса при помощи «перестройки», предполагавшей, наряду с общественно-политическими и социально-экономическими преобразованиями, серьезные изменения в области идеологии и культуры. Однако идеологическая и культурная составляющие его реформ своим острием вновь на-

правлялись против политики, ранее проводимой коммунистической властью. «Новое мышление», выдвинутое М. С. Горбачевым как основной политической курс, практически отрицало марксистскую теорию классовой борьбы и доктрину пролетарской диктатуры. Новый советский лидер предлагал отказаться от старого идеологического противостояния и поставить общечеловеческие интересы и ценности выше классовых. Его концепция «гуманного демократического социализма», «социализма с человеческим лицом», критикующая сталинизм, отрицала тоталитарную модель социализма.

По сути, политический авантюризм «архитектора перестройки» был новой отрицательной реакцией «на негниблемый, безликий догматизм Сталина».⁵ Но «перестройка» не дала этой власти, выдвинувцем которой был и сам М. С. Горбачев, ничего позитивного и лишь способствовала ее дальнейшему разрушению. На волне теоретической критики коммунистической идеологии, практических попыток освободиться от догматизма и раскрыть «черные пятна» в истории СССР возник новый бурный поток исторического нигилизма и разоблачений. Он подтолкнул процесс роста общественного недовольства советской властью, поставил под сомнение как идеологические основы и легитимность существования Коммунистической партии, так и необходимость самого социалистического государства, которым она руководила долгие годы.⁶

Удивительно то, что лидеры «перестройки» во главе с М. С. Горбачевым не понимали, что каждый предпринимаемый ими шаг усиливает «антисоциалистические настроения» в обществе, способствует ослаблению политического режима, который они сами представляли, и с упорством обреченных вели к его крушению.

Под лозунгами «ликвидации монополии на идеологию» и «плюрализма мнений» в СССР было разрешено свободное распространение различных мыслей и идей, не только выходящих за рамки марксистской идеологии, но и резко критикующих ее. Декларируемая руководством СССР политика «гласности» привела к полной отмене цензуры и безудержному распространению в обществе различных мнений, переосмысливающих реальное положение общества, прошлое и настоящее страны.

⁴ «Самиздат» — создание и распространение рукописных и машинописных изданий, запрещенных советской властью. «Тамиздат» — публикация произведений за рубежом без разрешения советских властей.

⁵ Ma Longshan. 苏联剧变的文化透视. 北京, 2005. С. 25, 26.

⁶ См.: Zhou Xincheng. 对世纪性悲剧的思考: 苏联演变的性质、原因和教训, 北京, 2000. С. 23.

От набивших оскомину разоблачений сталинизма, заполнивших все средства массовой информации, произошел быстрый переход к немыслимой ранее критике в адрес «основателя первого в мире государства рабочих и крестьян» В. И. Ленина, большевистской политики первых лет революции. С каждым днем «перестройки» КПСС все более утрачивала контроль над общественным мнением и культурой, что подтверждалось многочисленными сигналами, направляемыми М. С. Горбачеву различными службами. В частности, в письме руководителя Главлита В. А. Болдырева, написанном в мае 1991 г., говорилось: «Анализ публикаций в средствах массовой информации показывает, что часть изданий ведет пропаганду, направленную на дестабилизацию нашего общества, ослабление государственной власти, разжигание межнациональных конфликтов, дискредитацию Вооруженных Сил СССР, помещает материалы с нападками на грани оскорбления и клеветы на высшие органы страны».⁷

Однако М. С. Горбачев, ставший президентом СССР и практически устранившийся от руководства теряющей власть Коммунистической партией, уже не мог, да, очевидно, и не хотел, изменить складывающуюся в стране ситуацию. В результате коммунистическая идеология стала стремительно вытесняться из всех сфер общественно-политической жизни страны: была разрушена система партийного образования, из программ высших учебных заведений были исключены все дисциплины, основанные на марксизме-ленинизме, все большую антикоммунистическую направленность стали приобретать программы по истории в средней и начальной школе. Не встречая никакого сопротивления, в сознание народа стали активно внедряться западные культурные ценности и политические оценки пройденного страной исторического пути. Внезапно обнаруженная «отсталость» Советского Союза перед высоко развитым Западом как следствие «тупикового пути построения социализма» породила в советском обществе социальный пессимизм и ярко выраженные антисоциалистические настроения. Начался процесс массового выхода людей из КПСС, утратившей монополию на власть. Появилось много неформальных групп и организаций самого широкого политического спектра. В стране реально оформилась мно-

гопартийность, юридически утвержденная законом «Об общественных объединениях», принятым в октябре 1990 г.

В итоге получившие законное признание диссидентские организации, максимально используя накопленный опыт борьбы с советской властью, сумели свернуть «горбачевские реформы» с социалистического пути. КПСС, полностью утратившая доверие и поддержку народа, постепенно потеряла и внутреннее политическое единство. Внутри ранее монолитной партии явственно проявилась тенденция к расколу, стимулируемая идейными разногласиями и этническим сепаратизмом. В июле 1990 г. на своем последнем XXVIII съезде партия раскололась на враждующие фракции, что наглядно продемонстрировало организационно-политическую деградацию коммунистов, окончательно расписавшихся в неспособности управлять обществом.

Отчаянная попытка некоторых руководителей КПСС при помощи государственного переворота сохранить «коммунистическую державу» закончилась полным провалом. «Августовский путч», организованный так называемым Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) и проходивший с 19 по 21 августа 1991 г., не был поддержан разуверившимся в социализме народом, армией и большинством рядовых членов партии. К этому времени, по данным социологических опросов только 7 % респондентов считало КПСС партией советского народа, в то время как 85 % респондентов заявило, что она представляет интересы лишь высшей партийной бюрократии.⁸

Таким образом, одной из главных причин краха КПСС и управляемого ею коммунистического государства был ее провал на идеологическом фронте. Когда антисоветская оппозиция в полную мощь развернула атаку на социализм и СССР, «идеологическая машина» КПСС фактически утратила способность к активному действию. Подрыву народного доверия к идеям коммунизма, вне всякого сомнения, способствовали неудачи советской власти в социально-экономической сфере, не позволившие достигнуть высокого уровня народного благосостояния. Проигрыш высокоразвитым странам Запада в экономическом соревновании за создание «общества благоденствия» породил серьезные претензии народа к идеологии, не оправдавшей его чаяний.

⁷ Цит по: Руденский Н. Конец «золотого века» цензуры // Грани.ру. 2000. 16 дек.

⁸ См.: Huang Weiting. 苏共亡党十年祭. 南昌, 2002. С. 67.

При этом справедливое недовольство масс усиливалось постоянной политической борьбой в высших эшелонах власти, дискредитирующей коммунистических вождей и их политику. Копившееся годами недовольство когда-то должно было достигнуть критической точки. Ею и стала «горбачевская перестройка», в очередной раз сменившая экономический и политический курс на фоне критики и разоблачения деяний предыдущих советских лидеров.

В конечном итоге возникшее в обществе разочарование в советском прошлом, подогреваемое безрезультатностью перестроечных реформ, обусловило «крах веры»⁹ и «смену идеологии», что привело к распаду Советского Союза.

Интеллигенция как оппонент политического режима

Как уже отмечалось, значительную роль в крушении КПСС и СССР сыграла интеллигенция, превращенная советской властью в некую «прослойку» между ведущими классами общества — пролетариатом и крестьянством. При этом заметим, что недоверие к представителям умственного труда возникло у коммунистов с момента их прихода к власти. Так, основатель коммунистического государства В. И. Ленин, сомневаясь «в надежности» старых специалистов,¹⁰ подчеркивал, что, получив образование в буржуазном обществе, «...они полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом».¹¹

И. В. Сталин, сменивший «вождя пролетариата», тоже с недоверием и подозрительностью относился к интеллигенции. Он утверждал, что «наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции... объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники... завербовалась к врагам нашей страны во вредители, в шпионы... Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, долго еще продолжала топтаться на месте, выжидая “лучших времен”... Понятно поэтому то недо-

верие, переходившее нередко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны».¹²

Подозрительное отношение к интеллигенции испытывали и последующие советские лидеры, несмотря на то что основная масса «старых специалистов», не принявших советскую власть, или выехала за пределы «первого в мире государства рабочих и крестьян», или была уничтожена в период сталинских репрессий. По мнению партбюрократической элиты СССР, новая «советская интеллигенция», созданная для обслуживания коммунистического режима, тоже нуждалась в жестком контроле. В частности, Н. С. Хрущев, пытаясь «руководить» культурной сферой, самым грубым образом вмешивался в творческий процесс, стремясь обуздать «строптивых интеллигентов» при помощи резкой критики, идеологического прессинга, прямых нападок и гонений против конкретных деятелей культуры.¹³ Подобную политику проводил и Л. И. Брежнев. В период «застоя» за лояльностью к советской власти творческих личностей зорко наблюдало 5-е Управление Комитета государственной безопасности, специально созданное председателем КГБ Ю. В. Андроповым для «борьбы с идеологическими диверсиями» и «защиты конституционного строя». Представители интеллигенции подвергались явной дискриминации при приеме в члены КПСС. По негласным правилам, для сохранения пролетарской сущности правящей партии, чтобы принять в партию одного интеллигента, требовалось зачислить в ее ряды не менее 4 выходцев из рабочего класса и крестьянства.¹⁴

И все же, несмотря на предвзятое отношение к интеллигенции, советские руководители прекрасно понимали, что без нее невозможно развивать важнейшие сферы человеческой жизнедеятельности: науку и образование, литературу и искусство, медицину и здравоохранение и т. п. Поэтому, наряду с репрессиями, большевики стремились не только привлечь лояльную часть «старорежимной» интеллигенции на свою сторону, но и создать новую интеллигенцию, исповедующую социалистические ценности.

⁹ Там же. С. 237.

¹⁰ См.: Zhang Rongchen. 苏共知识分子政策的失误 // 理论视野. 2008. № 10. С. 42.

¹¹ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 382.

¹² Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 года // Правда. 1939. 11 марта.

¹³ См.: Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989.

¹⁴ См.: Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий: Ответы на вопросы из «Матросской тишины». М., 1993.

Конечно, новая интеллигенция рождалась и воспитывалась в прокрустовом ложе марксизма-ленинизма. Однако, будучи частью советского общества, занятой творческой работой, она уже в силу своей профессиональной деятельности должна была размышлять над происходившими процессами, осмысливать их, делать выводы относительно будущего. Эта специфика творческой работы настораживала советскую власть, порождая у нее боязнь выхода интеллигенции за рамки социалистической идеологии. Чтобы не допустить такого развития событий, она одновременно применяла все доступные формы неусыпного наблюдения, социального подкупа и тотального прессинга. Отталкиваясь от формулы «подозревать, но использовать», властные структуры требовали от интеллигенции неукоснительного выполнения идеологического госзаказа. Оплачивая ее услуги, власти «подкармливали» и их исполнителей. Однако при малейшем проявлении строптивости они оперативно и решительно воздействовали на «прослойку» при помощи жестких методов, используя, по мнению известного русского писателя, поэта и религиозного философа Дмитрия Мережковского, самое печальное и страшное, что неоднократно переживало русское общество, — дикую травлю интеллигенции.¹⁵

Деспотичный надзор коммунистической системы за культурной сферой вел к конфликту между властью и интеллектуалами, самостоятельно вырабатывающими идеи, знания, ценности и образы, часто не совпадавшие с официальной идеологией. Это порождало протест творческих работников, не желавших терпеть «смирительную рубашку», скроенную и надетую на них партийными чиновниками, слабо разбиравшимися в проблемах культуры. Поэтому вполне естественно, что, стремясь к самоопределению, советская интеллигенция объективно оказывалась в оппозиции власти лагерю.

Политика «гласности», провозглашенная М. С. Горбачевым, дала интеллигенции неожиданную возможность разорвать идеологические путы партийно-государственного диктата и, впервые не опасаясь репрессий, выразить свои взгляды по многим наболевшим вопросам. Однако объявленный архитекторами «перестройки» «плюрализм мнений», с энтузиазмом воспринятый советской интеллигенцией, привел к другой крайности, выразившейся в чрезмерной радикализации антисо-

циалистических точек зрения. Интеллектуалы (особенно их молодая часть), получив свободу слова и действий, используя идеологический, политический и экономический кризис, развившийся в стране, отказались от умеренно-реформистских идей совершенствования социалистической системы в пользу революционных альтернатив существующим институтам власти и идеологическим установкам.¹⁶

Потребовав сначала заполнить «белые пятна истории» и вернуть вычеркнутые советской властью неудобные коммунистам исторические личности и события, радикальная интеллигенция развернула затем массовое движение, призывавшее к наказанию КПСС за совершенные в период ее правления «преступления». Получив поддержку большинства советских граждан, разочарованных в своем историческом прошлом и недовольных половинчатыми и непоследовательными «перестроечными» реформами, интеллигенция стала лидером новой «социальной революции», разрушившей в конечном итоге гегемонию одной партии и державшуюся на ней советскую государственность.

Таким образом, советский тоталитарный политический режим, стремясь контролировать и использовать в своих интересах духовный потенциал страны, подвергал ее культуру чрезмерной идеологической обработке, упрощая содержание и выхолащивая национальные традиции, что нарушало культурную преемственность, обеспечивающую идентичность народа и непрерывность его истории.¹⁷ Идеологический диктат советской власти сковывал активность, инициативу и ограничивал независимость миллионов трудящихся, постепенно терявших веру в навязываемые сверху идеалы.

В итоге монополия социалистической идеологии в СССР привела к тому, что на ее базе была создана некая искусственная система ценностей, оторванная от реальности, не способствовавшая возникновению народной коллективной идентичности, отсутствие которой ведет к развалу общества.¹⁸ Поэтому внезапное, на первый взгляд, крушение советского общества, просуществовавшего более 70 лет, является естественным и закономерным.

¹⁵ См.: Мережковский Д. С. Грядущий Хам. СПб., 1906.

¹⁶ См.: Котц Д. М., Вир Ф. Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и новая Россия. М., 2013. С. 91, 92.

¹⁷ См.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010. С. 119, 120, 126.

¹⁸ См.: Rachel W. Six Years that Shook the World. Manchester, 1993. С. 55.

Jinqiu Xu

Doctor of Historical Sciences, Institute of Northeast Asia, Jilin University (People's Republic of China, Changchun)

E-mail: jinqiuxu75@rambler.ru

THE ROLE OF CULTURAL FACTOR IN COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

The paper points out that the whole complex of socio-economic and socio-political circumstances influenced the collapse of the Soviet Union. Among them, one of the most important was cultural factor. Under the dominance of communist regime, sharp contradictions arose between pluralistic essence of cultural process and authoritarianism of the political system, which seeks to subordinate and use it in its own interests. The ideological pressure of Soviet power, restraining creative initiative, independence of thinking and political activity of the Soviet intelligentsia, finally caused serious opposition from the most radical part of intelligentsia. The lack of correspondence between ideological slogans and real economic and political situation in the country caused critical attitudes among representatives of Soviet culture who, through political acts and creative works, influenced consciousness of the masses, gave rise to dissatisfaction with the results and disbelief in ability of Soviet authorities to make positive reforms. It is concluded that the authorities' attempt to "twist the nuts" in the cultural sphere of public life led to opposite effect, making Russian intelligentsia open or hidden opponents of the political regime, making them a force, which can organize and lead the protest movement.

Keywords: *Soviet Union, culture, cultural policy, intelligentsia, communist regime, authoritarianism, ideological despotism, pluralism, identity, collapse*

REFERENCES

- Huan Weiting. 苏共亡党十年祭 [The tenth anniversary of the fall of CPSU]. Nancian: Izdatelystvo czyansikh vysshikh shkoly Publ., 2002, 351 p. (in Chinese).
- Khabermas Yu. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [The problem of legitimization of late capitalism]. Moscow: Praktis Publ., 2010, 264 p. (in Russ.).
- Kotts D. M., Vir F. *Put Rossii ot Gorbacheva k Putinu: Gibel sovetskoy sistemy i novaya Rossiya* [The way of Russia from Gorbachev to Putin: the death of the Soviet system and the new Russia]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2013, 447 p. (in Russ.).
- Lukyyanov A. I. *Perevorot mnimyy i nastoyashchiy: Otvetny na voprosy iz «Matrosskoy tishiny»* [The coup — imaginary and real: Answers to questions from the "Matrosskaya Tishina"]. Moscow: Paleya Publ., 1993, 128 p. (in Russ.).
- Ma Longshan. 苏联剧变的文化透视 [The collapse of the USSR in a cultural mirror]. Beijing: Sotsialnaya nauka i literatura Kitaya Publ., 2005, 429 p. (in Chinese).
- Rachel W. *Six Years that Shook the World*. Manchester: Manchester University Press, 1993, 312 p. (in English).
- Svet i teni «velikogo desyatiletia»*. N. S. Khrushchev i ego vremya [Light and shadows of the "great decade" N. S. Khrushchev and his time]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989, 480 p. (in Russ.).
- Zhang Rongchen. 苏共知识分子政策的失误 [An error in the policy of the CPSU in relation to the intelligentsia]. 理论视野 [Theoretical field of view], 2008, no. 10, pp. 43–45. (in Chinese).
- Zhou Xincheng. 对世纪性悲剧的思考: 苏联演变的性质、原因和教训 [Thinking about the age-old tragedy: nature, causes and lessons of the collapse of the USSR]. Beijing: Izdatelystvo narodnogo universiteta Publ., 2000, 323 p. (in Chinese).